

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

Женевский университет
Петербургский институт иудаики
Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом)
Хельсинский университет

при поддержке

Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева
Издательства «Вита Нова»

ОЗЕРНАЯ ШКОЛА

Труды пятой
Международной летней школы
на Карельском перешейке
по русской литературе

Поселок Поляны (Уусикирко)
Ленинградской области

2009

Поэтика снов в «Белой гвардии» М. Булгакова

Сны имеют важное значение для понимания поэтики романов М. А. Булгакова, они присутствуют почти в каждом из его произведений, где выполняют порой совершенно различные функции. К примеру, можно упомянуть его пьесу «Бег», которая разделена не на действия, а на сны. Сон для М. А. Булгакова является фактически литературным приемом, поэтому интересно выяснить, какую роль играют сны в «Белой гвардии». Помимо снов, в этом романе есть еще и так называемые «квази-сны»: персонажи часто находятся в пограничном состоянии между сном и явью (в бреду, в полусне, и т. п.), при этом в городе все время туман или метель. Получается, что перед глазами читателя размытая и нереальная картина, вызывающая постоянное ощущение сна. То, что сны наполняют весь роман, еще раз говорит об их особой значимости.

Начнем с первой, может быть самой очевидной функции снов в этом романе. Как показал Фрейд, сны говорят о бессознательном человека, раскрывают его психологию, его внутренний мир. Интересно, что в данном случае этот внутренний мир часто является и потусторонним миром: мы имеем в виду в первую очередь сон Алексея Турбина о рае, но сны Петьки Щеглова о шаре и Василисы об огороде, например, также изображают некий потусторонний мир. Интересно заметить, что в романе каждый член семьи Турбиных сталкивается с потусторонним миром: Алексей видит рай, Елена, молясь, «встречает» Христа, который спасет Алексея, а Николка идет в «ад» за телом Най-Турса. Эти три сцены отражают особый взгляд на мир, у каждого Турбина «свой» потусторонний мир. Для Алексея Бог милосерден, он всех пускает в рай, тогда как для Елены Бог справедлив — он спасает Алексея, но в наказание отнимает у Елены Тальберга. «[Бог] на тебя самого похож»¹, — говорит Жилин. Эти сцены отражают и характер каждого персонажа: Турбин — человек-тряпка, он пассивен, поэтому он только видит рай, тогда как Николка действует в аду, он отыскивает тело Най-Турса. Так как все эти встречи с потусторонним миром происходят в своего рода сне — Алексею рай снится, Николка «в полусне» (с. 299), а Елена в состоянии экстаза, можно считать, что одна функция снов в «Белой гвардии» заключается в том, чтобы раскрыть психологию персонажей, показать их внутренний мир. Таким образом, сны добавляют

один пласт в романе: в «Белой гвардии» показаны внешний мир, то есть Город, Украина, и домашний мир, дом Турбиных; сны показывают потусторонний мир, иначе говоря, внутренний мир персонажей.

Но сны не только отражают психологию персонажей, ведь они входят за пределом реальности и почти за романом: они являются местом встречи, где сливаются голоса персонажей и повествователя. Здесь опять показателен сон Алексея Турбина о рае, в котором слышится голос повествователя. Во-первых, сон о рае завершает подробную картину города Киева и пространство рая противопоставляется пространству Города. В описании Города подчеркивается присутствие электрического света, тогда как рай освещен естественным светом. Кроме того, в раю просторно, а в Киеве нет места для всех: «за каменными стенами все квартиры были переполнены» (с. 59). В Киев входят петлюровцы — значит, враги, а в рай входит армия Най-Турса, армия героев. Рай представляет собой новый город, лучший вариант живущего «неестественной жизнью» (с. 59) Киева. Благодаря длинному сну Алексея (можно считать, что все описание города происходит во сне Алексея), повествователь возвышается над историей Турбиных и пишет историю «Киева-города», превращающегося в райский город.

Во-вторых, в этом сне совершается прорез в будущее, в вечность: действие «Белой гвардии» происходит в конце 1918 г., а Алексей Турбин узнает в этом сне, что в 1920 г. большевиков убили на Перекопе. Эта информация нужна повествователю, чтобы завершить свою историю города, свою летопись. Следовательно, в этом сне сливаются голос Алексея и голос повествователя; сон — продукт воображения персонажа, но одновременно он возвышает персонажа над историей и позволяет ему встретиться с повествователем. Связана с вопросом о времени и вневременность, которая соблюдается в этом сне: Жилин умер в 1916 г., Най-Турс — в 1918 г., и все же Жилин говорит, что они «ждали [его] не более минуты» (с. 80). В раю нет времени, сон находится над временем, и поэтому в нем можно увидеть будущее. Во сне Алексей узнает о смерти Най-Турса, которая произойдет лишь во второй части романа. Намекается и смерть Николки («А за ним немного погода неизвестный юнкерок в пешем строю», с. 80), но до конца непонятно, в раю ли Николка или нет. Во всяком случае, сон о рае является пророческим сном, он открывает Алексею будущее. В романе пророчески не только сны, но присутствует ряд знаков, знамений, объявляющих последующие события: «пришло все это быстро, но не внезапно, и предшествовали тому, что пришло, некие знаменья» (с. 67). Итак, другая функция снов в «Белой гвардии» — выйти из про-

странства романа, чтобы увидеть будущее, смотреть на мир сверху и таким образом понять то, чего непонятно в реальности.

Отсюда вытекает, что сон функционирует еще и как ответ на вопросы, заданные на протяжении романа. В «Белой гвардии» задается очень много вопросов, таких как «как жить?» (с. 9), «за что такая обида?» (с.8), и т. д. И ответов нет, «Бог ответа не давал» (с. 8). Во сне Алексея о рае мы «встречаем» Бога, который не молчит, а дает ответы. Поэтому можно считать, что роль сна — ответить на вопросы. Это видно с самого начала сна; описание Города заканчивается вопросом «Те, кто бегут, те умирать не будут, кто же будет умирать?» (с.77) и вслед за ним сон начинается ответом: « — Умигать — не в помигушки иг'ать», т. е. сон буквально является ответом. Сон о рае также отвечает на вопрос о чести, который ставится на протяжении всего романа: образом нечестного человека является Тальберг, который убегает, оставляя свою жену. В конце третьей главы кошмар Алексея Турбина «говорит» ему: «Русскому человеку честь — только лишнее бремя» (с. 57). Оказывается, честь — не лишнее бремя, потому что в раю находятся только те, кто остался и принял участие в войне; в этой перспективе можно сказать, что сон Алексея отвечает на вопрос: стоит ли остаться и участвовать в уже обреченном деле? Да, стоит, по крайней мере с точки зрения Алексея. В связи с этим, этот сон перекликается и с эпиграфом «и судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими...» (с. 7): приняты в рай те, кто участвовал в бою, несмотря на то, на какой стороне они боролись. Иными словами, идеи и убеждения людей не принимаются в расчет, важны только их поступки. Но это высказывание о том, что все приняты в рай, несет отрицательный оттенок, поскольку Бог говорит: «мне от вашей веры ни прибыли, ни убытку. Один верит, другой не верит, а поступки у вас у всех одинаковые: сейчас друг друга за глотку, а что касается казарм, Жилин, то тут так надо понимать, все вы у меня, Жилин, одинаковые — в поле брани убиенные» (с. 82). Здесь Бог отвечает на вопрос «Заплатит ли кто-нибудь за кровь?» (с. 320), а ответ звучит «Нет. Никто» (с. 320), все пойдут в рай.

Однако, сон Алексея Турбина не отвечает на один вопрос: умер ли Николка? Мы до конца не знаем, о Николке ли речь идет, когда говорится о юнкере. Как мы видим, функция снов — ответить на вопросы персонажей и читателя, но не до конца; сам роман заканчивается открытым вопросом: «Так почему же мы не хотим обратить свой взгляд на [звезды]? Почему?» (с. 328).

За исключением тех, кто убежал, Бог принимает в рай абсолютно всех — и Най-Турса, и большевиков, и «баб», и даже попов, к которым

он относится с презрением. Таким образом, тогда как на земле все стоят на противоположных сторонах, все равны в раю — или же во сне... Показательно и описание Жилина: «Грубые его черты, прекрасно памятные доктору Турбину, собственноручно перевязавшему смертельную рану Жилина, ныне были неузнаваемы, а глаза вахмистра совершенно сходны с глазами Най-Турса — чисты, бездонны, освещены изнутри» (с. 78). Вступая в рай, Жилин подвергается настоящей метаморфозе и становится похожим на Най-Турса. Подобная метаморфоза происходит уже не во сне, в доме Турбиных, когда Алексей «умирает». Повествователь описывает настроение каждого персонажа: «на сером лице Лариосика стрелки показывали в три часа дня высший подъем и силу — ровно двенадцать» (с. 209). А когда температура Алексея резко повышается, все очень волнуются, и «глаза у всех стали страшно похожими, нахмуренными и сердитыми. Стрелки Николки сразу стянулись и стали, как у Елены, — ровно половина шестого» (с. 212). Можно это понять так, что в беде все одинаковы — в смерти, в болезни, в войне, или в метели... Петлюровцы боятся столько же, как и белогвардейцы, все равны в бою, несмотря на то, на какой стороне они стоят. И сны в «Белой гвардии» дают нам это понять: разные эпизоды романа показывают разные точки зрения персонажей, описывают то, чем петлюровцы и белогвардейцы отличаются, а сны показывают сходства между всеми этими людьми, они их объединяют.

Итак, сон является тем местом, где все встречаются, это общее пространство; на наш взгляд, можно даже сказать, что все сны «Белой гвардии» составляют один общий сон. В романе всего восемь снов: сон Василисы о Лебидь-Юрчике в третьей главе первой части, сон Алексея, начинающийся с кошмара в третьей главе первой части и заканчивающийся побыванием в раю в конце пятой главы первой части, затем сон Николки о паутине в одиннадцатой главе второй части, и пять снов в двадцатой главе третьей части — сон Алексея о побеге, сон Василисы об огороде, сон красноармейца о красных звездах, сон Елены о Шервинском и Николке, и сон Петьки Щеглова об алмазном шаре. Восемь снов — это, кстати, столько, сколько и в пьесе Булгакова «Бег», в котором снами являются действия пьесы, т. е. сны играют формальную роль; это утверждает то, что мы пытаемся доказать, а именно, что сны «Белой гвардии» интересны не столько из-за своего содержания, сколько же из-за своих функций: сон для Булгакова — это литературный прием. Но вернемся к понятию общего сна. Сны романа во многом перекликаются друг с другом. Во-первых, красноармеец видит во сне тот же рай, что и Алексей: небосвод весь красный, как рай больше-

виков во сне Алексея, есть всадник, как Най-Турс в раю и в обоих снах присутствует Жилин. Мы имеем дело с одним и тем же сном, рассмотренным с разных точек зрения. Сон Алексея о рае имеет общие черты и со сном Василисы из первой части: как Най-Турс, Лебидь-Юрчик ездит верхом на коне, и кроме того, в обоих снах упоминаются «Тушинские воры» — во сне Василисы это воры, во сне Турбина это, видимо, имя коня Най-Турса. Если добавить, что оба этих сна происходят в одну и ту же ночь, и что в третьей главе первой части действие, происходящее все в ту же ночь, постоянно переходит из квартиры Василисы в квартиру Турбина и обратно, можно утвердить, что сон способен перебраться из одного персонажа в другого — это один и тот же сон, который персонажи передают друг другу. На это указывает фраза из последней главы романа: «Сонная дрема прошла над городом, мутной белой птицей пронеслась, минуя сторонкой крест Владимира, упала за Днепром, в самую гущу ночи, и поплыла вдоль железной дуги» (с. 323). Сон является почти персонажем, который встречается то с одним, то с другим героем... Похожи и сны Николки и Алексея из третьей части: оба пытаются во сне выбраться из сложной ситуации, причем Николке удастся разорвать паутину (и во второй части он сумел убежать и вернуться домой), а Турбин погибает во сне (во второй части его ранили и без помощи Юлии он бы умер). Опять-таки перед нашими глазами один и тот же сон с вариациями в зависимости от персонажа, который видит сон. Наконец, можно увидеть сходство сна Алексея о рае со сном Елены в том, что в обоих появляется Николка. Жилин говорит Алексею о юнкере, который, наверное, и есть Николка, а Елене Николка появляется мертвым. Таким образом, в обоих снах объявляется смерть Николки, что позволяет читателю сомневаться в том, что Николка выжил — напомним, что он каким-то чудом вырвался из рук дворника и вернулся домой... В любом случае, это появление умершего Николки в двух снах еще раз показывает, что сны в «Белой гвардии» образуют некое целое, общий сон с вариациями.

Кроме того, сны — и образ рая — играют важную роль в структуре этого романа. Рай (сон) мы видим в первой части «Белой гвардии», ад (полусон) — в третьей. А во второй части появляется Мало-Провальная улица, на которой живет Юлия Рейс. Юлия спасает Алексея, она его «ангел», но с другой стороны она связана с «дьяволом» Шполянским: она находится между раем и адом, и в структуре романа она появляется между раем и адом. При этом, сама эта улица носит амбивалентный характер: на ней расположены какие-то чудесные, райские сады, но тем же временем дом Юлии мрачен. Сон о рае и полусон об

аде находятся по бокам этого амбивалентного места. Если подробно посмотреть, то заметим, что все восемь снов в «Белой гвардии» находятся либо в первой, либо в третьей части, то есть в начале и в конце. Лишь сон Николки расположен еще во второй части, но в самом конце ее, когда события в Городе уже закончены и Николка вернулся домой. Итак, во второй части, которая повествует о взятии Киева петлюровцами, нет снов, сны обрамляют это ужасное событие. И они его обрамляют не только формально, но еще и по содержанию. В первой части мы имеем два пророческих сна — Василиса предвидит обыск, а Алексею предсказывается смерть Най-Турса —, а в третьей части есть три сна-воспоминания: Николка и Алексей снова переживают свой побег из рук петлюровцев, Василисе же снится своего рода обыск. Таким образом, сны отражают главное событие романа — для Николки и Алексея это бой в Городе, который излагается во второй части, для Василисы это обыск, который хотя и происходит в третьей части романа, но все же является центральным событием в повествовательной линии о Василисе. В романе две линии — линия Турбиных и линия Василисы, одна высокая, серьезная, другая низкая, гротескная, и в каждой из них сны — с точки зрения формы и содержания — обрамляют ядро романа, направляют внимание читателя на метель, разрушающую жизнь персонажей.

До сих пор мы сосредоточились на «настоящих» снах этого романа, но в «Белой гвардии» мотив сна появляется в самых разных видах. Во-первых, в Городе все время либо ночь, либо метель и туман, т. е. ничего не видно. Метель, вьюга, буран сметают все на своем пути, стирают следы. Поэтому весь Город смутен, он видится сквозь туман, как будто во сне. Нигде нет ясности, определенности; Мало-Провальная улица даже названа «самой фантастической улиц [ей] в мире» (с. 226). Во-вторых, в романе существует ряд видений и знамений: в пятой главе первой части говорится о трех знамениях, у Василисы видение — Явдоха, перед глазами Елены появляется Христос, и Алексей Турбин видит много фантастических вещей в тифозном бреду. Весь роман насыщен мутными событиями, «квази-снами». В-третьих, есть и сны во сне: во сне Алексея о рае «зашумел вдруг, как во сне, хор железных голосов» (с. 80), что усиливает впечатление мутности, неясности — в итоге читатель больше не знает, что — сон, что — реальность. Этим приемом М. А. Булгаков добивается того, что центральное — и вполне реальное — событие романа, взятие Киева петлюровцами, воспринимается читателем как сон, оно кажется менее реальным, чем сами сны. И в самом деле: во сне о рае, например, все ясно: свет ясен, Жи-

лин все объясняет Алексею, как и что... тогда как во взятии Города очень много непонятных вещей. И главный нереальный образ — сам Петлюра, который полностью отсутствует в романе, мы его никогда не видим. Петлюра — миф: «Ну, так вот что я вам скажу: не было. Не было! Не было этого Симона [Петлюры] вовсе на свете. Ни турка, ни гитары под кованым фонарем на Бронной, ни земского союза... ни черта. Просто миф, порожденный на Украине в тумане страшного 18-го года» (с. 73). Существование Петлюры подвергается сомнению: «А был ли он?.. Или это мне все снилось?» (с. 309). Здесь миф о существовании Петлюры прямо сравнивается со сном. Сны в «Белой гвардии» подчеркивают главный, центральный сон — Петлюру; Булгаков применяет сны как прием, чтобы показать нереальность и фантастичность Гражданской войны.

В нашем анализе мы одного сна еще не затронули: мы имеем в виду последний сон «Белой гвардии», сон Петьки Щеглова, который ничего общего не имеет с остальными снами романа. Сон Петьки очень ясный, очень простой. В нем нет ни вопросов, ни ответов, ни предвидений, ни воспоминаний — только детская радость. Да, именно детская: Петька — ребенок, он не пережил все то, через что Турбины и остальные персонажи прошли, т. е. войну, обыск, насилие, смерть, и т. д., и поэтому он такой счастливый. Его сон напоминает сон Пьера из «Войны и Мира» Л. Н. Толстого, в котором Пьер вспоминает шар своего бывшего учителя по географии: в тот момент Пьеру становится все ясно, все понятно. Подобно ему, Петьке тоже все понятно, он не задает себе все вопросы, которые мучат других, такие как «как жить?» или «кто заплатит за кровь?». С одной стороны, этот сон придает роману оптимистическую концовку, которая обещает светлое будущее, несмотря на все то, что было. Но, с другой стороны, Петьке все понятно лишь потому, что он ничего не знает, что он еще наивен. Иными словами, светлое будущее есть только для тех, кто все забудет. Это сказано в самом конце романа: «Все пройдет. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч исчезнет [...]» (с. 328). Но Турбины не забудут о взятии Города, и все эти вопросы они себе вечно будут задавать; «а вот звезды останутся» (с. 328), а звезды все видели, они-то ничего не забудут..

Как мы видели, сны в «Белой гвардии» выполняют много функций. С одной стороны, они комментируют действие романа, дают ключ к пониманию некоторых элементов, отвечают на вопросы; они составляют своего рода подспудную линию, которая сопровождает главное действие. С другой стороны, сны перекликаются друг с другом, они образуют некое целое, независимую линию, что делает роман

многослойным. Но на наш взгляд, самая главная функция снов в том, что они играют роль в структуре романа, обрамляя рассказ о взятии Киева и подчеркивая ирреальность всех этих событий. Поэтому можно утвердить, что для М. А. Булгакова сон является не просто важнейшим литературным приемом, но и структурообразующей единицей текста.

Литература

Бахматова Г. О поэтике символизма и реализма: (На материале «Петербурга» Андрея Белого и «Белой гвардии» М. Булгакова) // *Вопр. рус. лит.* Львов, 1988. Вып. 2 (52). С. 124–131.

Зимнякова В. Специфика приема сна в ранних произведениях М. Булгакова // *Художественный текст и культура.* Владимир, 2006. С. 185–188.

Котикова В. Поэтика сновидений в романе М. Булгакова «Белая гвардия» // *Филологические штудии.* Иваново, 2005. Вып. 9. С. 85–95.

Немцев В. Функция повествователя в художественной речи романа Михаила Булгакова «Белая гвардия» // *Поэтика советской литературы двадцатых годов.* Куйбышев, 1990. С. 72–98.

Пояркова Н. Символика образа дома в романе М. А. Булгакова «Белая гвардия» // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов.* Сер.: Литературоведение. Журналистика. М., 2003–2004. № 7/8. С. 40–48.

Федоров А. К вопросу об образе автора (повествователя) как факторе смысловой многоплановости художественной речи // *Res philologica.* М.; Л., 1990. С. 447–453.

Федунина О. В. Поэтика сна в романе («Петербург» А. Белого, «Белая гвардия» М. Булгакова, «Приглашение на казнь» В. Набокова): Автореф. дис. ... канд. наук; Филологические науки: 10.01.08 / Рос. гос. гуманит. ун-т. М., 2003. 20 с.

Яблоков Е. Художественный мир Михаила Булгакова. — М.: Языки славянской культуры, 2001.

Edwards T. R. N. Three Russian Writers and the Irrational: Zamyatin, Pil'nyak and Bulgakov. — Cambridge: Cambridge UP, 1982.

Milne L. Mikhail Bulgakov, A Critical Biography. — Cambridge: Cambridge UP, 1990.

Примечания

¹ *Булгаков М. А.* Белая гвардия: роман. Собачье сердце: повесть. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. С. 82. Далее все ссылки даются в тексте по этому изданию с указанием страницы.